

УДК 930

ББК 63.3

X 61

Т.П. Хлынина

Эффект смещенной перспективы: социальные потрясения времени в пространстве исторической антропологии

(Рецензирована)

Аннотация:

Статья посвящена антропологическому осмыслению революционного времени, в пространстве которого сталкиваются жизненные миры обезличенных социальных структур и реальных людей. В ней подробно анализируются исследовательские возможности исторической антропологии применительно к течению и восприятию событий российских революций начала прошлого столетия.

Ключевые слова:

Социальные революции, историческая антропология, «критический поворот», «большая временная длительность», переломные эпохи, социальное время, российская провинция.

Писать о революциях как о «локомотивах истории» или «повивальных бабках родовых мук нового общества» в отечественной историографии с некоторых пор не принято. Неприятие это во многом обусловлено обстоятельствами нашего недавнего прошлого, буквально за считанные десятилетия переместившими российское общество из режима относительного социального благополучия в пространство «прерывностей и неопределенности коллективного существования».¹ На фоне более чем скептического восприятия итогов «эпохи демократических преобразований» 1990-х гг., социальные потрясения начала века минувшего все чаще видятся некой первопричиной колоссальных бедствий, масштабность и степень пагубности которых так и не были преодолены вплоть до сегодняшнего дня. Синдром «исторической ответственности», вменяемый революциям, как общественным сознанием, так и большей частью профессионального сообщества, свидетельствует о сохраняющейся социальной значимости подобного рода событий и их «онтологической неотвратимости».

Тем не менее, некогда монолитный в своей целостности образ российских революций, чья содержательная наполняемость на протяжении длительного времени оставалась неизменной по отношению к его объективно положительной оценке, теряет свое исследовательское

обаяние и настойчиво требует смены перспективы профессионального осмысления. Еще в начале 1970-х гг., когда английскими биологами была выдвинута теория многолинейной эволюции, поставившая под сомнение неизбежность господствовавших представлений о механизме социальных обновлений, в исследовательской практике появилось весьма неопределенное, но, вместе с тем, довольно употребительное понятие «социального брожения».² Оно претендовало на интуитивно более верное отражение процессов, происходящих в эпоху кардинальных перемен, и недвусмысленно указывало на операциональную ограниченность к тому времени уже изрядно потускневшего термина «революция».

Столь незначительная, на первый взгляд, языковая метаморфоза повлекла за собою практически не контролируемый взрыв исследовательского интереса к теоретическим проблемам социальной революции. В последующие десятилетия появились и активно обсуждались концепции относительной и абсолютной депривации, патологических действий толпы, конфликта групповых интересов и борьбы за доминирующие позиции в структурах управления.³ К сожалению, их творческий потенциал, фактически так и не вышедший за пределы социологических исследований, остался на периферии исторического познания, весьма настороженно

воспринимавшего любые попытки привнесения в процесс постижения прошлого «безжизненных химер и абстракций современности».

Однако «интеллектуальные вызовы» времени и последовавшее за ними усложнение самого предмета обществоведческих изысканий привнесли в осмысление природы социальных революций несколько неожиданный ракурс, оказавшийся (не в последнюю очередь) тесно связанным с формированием такого любопытного исследовательского направления как историческая антропология.

Привычное восприятие революции в качестве «наиболее яркого проявления социальных изменений», влекущих за собою преобразование всей структуры и способа функционирования общества, породило и не менее устойчивое представление о революционном времени как переломной эпохе исторического развития.⁴ Масштабность, вызываемых к жизни перемен, краткосрочность их протекания, а также всплеск активности и мобилизационной готовности масс стали теми профессионально опознавательными знаками, которые на протяжении не одного столетия определяли и продолжают определять собою облик революций и пространство переживаемого ими времени. Метафорическим измерением последнего, при всей разности существующего историографического опыта, оказывается предельная насыщенность и сжатость происходящих событий и жизни общества в целом. Время истории как категория по существу извечная и непрерывная полностью поглощает категорию времени частного и дискретного, совмещая, таким образом, величины не только разномасштабные, но и неоднородные.

Их сопряженность, в свою очередь, влечет за собою и формирование весьма любопытного в антропологическом отношении ландшафта, где ритмы жизни отдельных категорий людей оказываются практически неразличимыми. Между тем, острота переживаемых ими в революционные времена ощущений настолько разнообразна, что вопрос о темпоральной однородности эпохи кардинальных изменений приобретает риторический характер и требует несколько иной перспективы своего осмысления. Такой исследовательской практикой могла бы стать историческая антропология, понимаемая в качестве «не какого-то особого метода или

приема», а «нового взгляда на историю», когда «в центре внимания историка оказался человек – во всех без исключения его проявлениях и связях, человек в социуме, индивид как носитель культуры. Если историческая наука предшествовавшего периода привычно противопоставляла культуру обществу и изучала их порознь, то пафос историко-антропологических исследований, напротив, заключается в стремлении достичь синтеза социального и культурного».⁵

Представляя собою, по образному выражению А.Я. Гуревича, «расширяющуюся вселенную», пока еще весьма далекую от достижения полноты собственного самосознания, историческая антропология нацеливает исследователя на выявление «человеческой составляющей» социального развития, возвращая ему реальному творца и соучастника великих драм и повседневных будней прошлого. В этом своем благородном устремлении она оказывается сосредоточением интересов ряда гуманитарных дисциплин и позволяет максимально приблизиться к решению довольно честолюбивой и пока слабо достижимой задаче – рассмотрению исторического процесса как результата человеческой активности, несущей «на себе отпечаток представлений, верований, ценностных установок и норм поведения людей, переживавших историю и, тем самым, так или иначе ее творивших».⁶

Мировая историографическая практика, по-разному восприняв «критический поворот» конца 1980-х гг., всем опытом своего последующего развития подвела профессиональное сообщество к осознанию необходимости переориентации собственных усилий на выяснение того, «как реально, конкретно происходят события в истории, т.е. изучить по-настоящему те процессы, которые исподволь приводят к возникновению социальных феноменов, нами наблюдаемых. До некоторой степени речь идет о том, чтобы более не заниматься только описанием социального, но также интересоваться тем, как происходит его формирование, имея в виду, что корректное описание общества возможно лишь в том случае, если мы рассматриваем способ, которым оно постоянно конструирует само себя».⁷ В этом отношении опыт революционного времени мог бы оказаться хорошим подспорьем для ответа на вопрос о том,

почему все же слишком разные люди предпочитают жить вместе и, по большей своей части, тяготеют к компромиссным формам сосуществования с властью.

Время социальной революции, отмеряемое падением правящего режима и завоеванием политической власти оппозиционной группой, отражает лишь внешнюю сторону происходящих перемен в жизни общества и его отдельных членов. Настоящий перелом их судеб, как правило, наступает значительно позже и уже проживается целой эпохой. Многие эпизоды великих, в том числе и российских революций, оказались попросту незамеченными современниками, прочувствовавшими их переламывающие последствия лишь несколько лет спустя. Так, для З.Н. Гиппиус и ее «ближайшего круга», «роковые раскаты» первой российской революции 1905–1907 гг. запомнились дачной суетой, горячечными спорами о театральные новинках сезона, муками творчества Д.С. Мережковского.⁸ Всю тяжесть «непоправимо утраченного спокойствия» они ощутили только в голодные дни «большевистского разгула 1917 г.».

Столь любопытная абберация исторического времени в восприятии отдельного человека наиболее отчетливо проявилась в жизни российской провинции, отягченной собственными представлениями о темпах и направленности его течения. В этих представлениях нашли свое отражение и патриархальность многовекового уклада жизни, и устойчивая нелюбовь к столице с ее «разгульными нравами и презрением христианской добродетели», а также различный опыт публичной деятельности, замыкавшийся, как правило, на хозяйственном благоустройстве и социальном попечительстве того или иного населенного пункта и его обитателей. Отмеченные особенности формировали качество переживаемого социального времени, его протяженность и направленность. По заключению специалистов, характеристика содержания такого времени меняется в зависимости «от возможностей, способностей индивидов и социумов наполнять единицу природного времени событиями».⁹ Вместе с тем, «социальное время идет в разных группах... в поступательном или возвратном направлениях, вперед или назад, и с различным темпом. Следовательно, оно может иметь различную качествен-

ную окраску и ценность для диагностики состояния общества».¹⁰

В данной связи жизнь южного провинциального города и его обитателей являла собою характерный пример «большой временной длительности», в границах которой продолжали сосуществовать и взаимодействовать, казалось бы, абсолютно несовместимые и практически не проницаемые временные миры различных социальных групп и институтов. Так, «революционный всплеск» 1905–1907 гг., отмеченный в отечественной историографии звучным эпитетом «первой народной революции эпохи империализма», не нашел сколько-нибудь заметного отражения в толще сознания майкопского обывателя, спровоцировав лишь лихорадочную активность городской управы по «спешному составлению списков выборщиков в первую Государственную Думу».¹¹

Показательно, что и в последующие десятилетия рукотворного увековечивания исторической памяти о революции, празднование событий 1905–1907 гг. хотя и было отнесено к праздничным нерабочим дням, особыми мероприятиями не сопровождалось. В советской Адыгее оно значительно уступало празднованию очередных годовщин образования автономии, Октябрьской революции, 1 мая и 8 марта, организация которых сопровождалась детально разработанными сценариями, требовавшими непосредственного участия не только партийного и советского актива, но и «живого отклика самих трудящихся». День первой русской революции отмечался нерегулярно и более напоминал собою проведение не всегда торжественного памятного мероприятия с обязательными «плакатами, организацией вечеров воспоминаний, кинопередвижек и световых газет». Уже в более позднюю, пореволюционную эпоху он был отнесен к памятным, но рабочим дням, ограничившимся проведением торжественных заседаний в партийных советских и общественных организациях.¹²

Более устойчивой в пространстве города оказалась память о событиях, связанных с утверждением новой советской власти. При этом самим обывателям они запомнились не столько словом старого, «насквозь прогнившего аппарата угнетения трудящихся», сколько жаркими баталиями городских властей по поводу неотложных мероприятий противодействия чумной

заразе¹³, а также «ходатайства владельцев кинематографа о понижении городского сбора со средних мест в кинотеатрах с 25 коп. до 15 коп.». ¹⁴

В свою очередь представителям городского самоуправления, пережившим пик революционного ненастья в 1917–1918 гг., политические неурядицы в стране запомнились «бедственным хозяйственным положением города, в касе которого к моменту ухода советской власти осталось лишь 8 руб.». ¹⁵ С целью его выправления, не дожидаясь «нормализации ситуации в целом», городская Дума уже 20 ноября 1918 г. обратилась в Кубанское городское правление с просьбой о «принятии на его счет содержания майкопской городской стражи». В просьбе было отказано и рекомендовано возложить налог на содержание порядка в городе на население. ¹⁶ На протяжении 1918–1919 гг. Дума неоднократно на своих заседаниях возбуждала вопрос о «расширении прав городской управы по взиманию различного рода налогов в пользу города», а население «старательно выжидало окончательного успокоения и не спешило с подобающей случаю поддержкой властей». ¹⁷

Любопытно, что общественное самоуправление, просуществовав в старом обличье Думы вплоть до 1920 г., практически полностью сохранило свои основные функции и полномочия на протяжении всей революционной эпохи. Лишь начиная с 1922 г., со времени вступления в законодательную силу новой избирательной процедуры, в городском ландшафте появились зримые перемены, свидетельствующие о реально ощущаемой поступи нового времени и, прежде всего, о формировании новой антропологической генерации – человека советской эпохи. Будучи наследником и отчасти правопреемником старого времени, он оказался не столь богатным материалом, посредством которого быстротечные политические изменения могли бы наполнить собою повседневную жизнь населения города.

«Новому Адаму» предстояло еще очень долгое существование в пространстве «ветхих одежд» минувшего времени. Именно со временем «дореволюционных предрассудков», зримо присутствующим в облике революционного города, ему предстояло не только активно бороться, но и мирно сосуществовать. Сопоставление двух «картинок» городского убранст-

ва, разделенных между собою тремя десятилетиями и явно тяготеющих к различным историческим эпохам, наглядно свидетельствуют о нерасторжимости социального времени, по-разному проживаемого населением.

Согласно программе «Описания санитарного состояния городов Российской империи», подготовленной Министерством Внутренних дел и разосланной в качестве «ведомственного циркуляра» органам общественного управления, «пространство, занимаемое городской Майкопской равниной», на 1 января 1895 г. составляло около 8 квадратных верст. ¹⁸ В городе насчитывалась 51 улица, из которых только 1 была замощена полностью, 2 наполовину, а остальные нуждались в «скорейшем благоустройстве»; 5 площадей, покрытых массивным булыжником, и 1 общественный сад. Разделенный на две части, город располагал торговыми банями и скотобойней, чье наличие вызывало особую «санитарную обеспокоенность властей», водосточными ямами и очищался от «грязи и мусора самими домовладельцами». ¹⁹

Послереволюционный облик города значительных изменений не претерпел. Как свидетельствовал доклад Майкопского городского совета, подготовленный им в 1923 г. по «основным вопросам благоустройства», «в этом отношении Майкоп оставляет желать лучшего даже в дореволюционное время. В период же империалистической и особенно Гражданской войны городское хозяйство замерло и при полной бесхозяйственности ... все подверглось разрушению». Одним из насущных вопросов благоустройства по-прежнему «оставалось мощение улиц. В городе при общей длине всех улиц около 60 верст замощено всего лишь около 4-х верст, т.е. около 6–7% ... Всего на эти нужды городским хозяйством было уже истрчено 16800 руб.». – сумма внушительная, но явно недостаточная. ²⁰ По настоянию городского совета, расход по замощению улиц возлагался на Коммунхоз, которому вменялось в обязанность изыскать 10% необходимых средств, и на счет населения, вносившего остаток суммы с рассрочкой на 5 лет. ²¹ Схожая ситуация наблюдалась с «необходимостью засыпки болот».

Неприглядность плохо мощеных улиц и зловоние окраинных болот сопровождало городского обывателя вплоть до эпохи «развитого социализма», находя отражение в примеча-

тельных обертонх массового сознания. Отсутствие сточных канав, переходных мостиков и заасфальтированных улиц в 1960-е гг. стало для городских избирателей той отправной точкой, которая не позволяла им «ощущать реальных плодов Великой революции и осознавать, что они живут в другое время».²² Между тем, внутреннее осознание социального времени совершенно не совпадало с внешними преобразованиями города, улицы и районы которого уже «в ознаменование 15-й годовщины Октябрьской революции приобрели соответствующие наименования. Так, «Покровский район стал Красногвардейским, улица Тульская была переименована в Красногвардейскую, а Базарная – в Партизанскую, улица Клубная получила имя Т. Швеца (первого военного комиссара Майкопа), Погорелая – имя Т. Костикова (бывшего комиссара станицы Курджипской), Константиновская – имя Могилина (командира красногвардейских частей), Ханская – имя Саватеева (бывшего заслуженного революционного работника), Подгорная – имя Чуйкова, Полевая – имя Жукова, Курганная – имя Никитенко (командира 4-го Майкопского батальона)».²³

Внедрение новых революционных наименований и формирование соответствующего им символического пространства города постепенно меняли и облик его обитателей, чьи судьбы оказывались не всегда созвучными времени кардинальных перемен. Многочисленные анкеты, принятые к заполнению в учреждениях того времени, свидетельствовали о весьма тщательном контроле власти за состоянием послужных списков своих подопечных. Среди ряда каверзных вопросов, предусмотренных для регистрации «всех советских служащих», точное указание «трудовых занятий» с «1905 по март 1917 г., с марта 1917 по октябрь 1917 г. и с сего момента до настоящего времени» с подробным перечислением командировок, видов деятельности и отпусков занимало главное место. Подробному описанию подвергалась служба в Красной Армии и сотрудничество с войсками белогвардейцев и интервентов. Куда более скромной выглядела строка о полученном образовании и начале самостоятельной трудовой жизни. Тем не менее, облик советского служащего первого пореволюционного десятилетия оказался весьма далеким от чаяний и потребностей новой власти.

Из личных дел сотрудников областного отдела местного хозяйства удалось установить, что подавляющее большинство из них тяготело в прошлом к хлеборобным и интеллигентным занятиям, которые в новой жизни их обладателей обернулись «хождением на службу». Так, техник областного управления местного хозяйства, персидско-подданный 1894 года рождения Гаврила Захарович Аваков «самостоятельным трудом» стал зарабатывать на жизнь с 1915 г. Окончил 1-ю Екатеринодарскую гимназию и 3 курса Московского инженерного училища. До 1917 г. учился, а в смутные годы Гражданской войны «давал уроки младшим школьникам». С начала 1920-х гг. – на службе в государственных учреждениях.²⁴

Гаврила Захарович являлся бессменным членом союза строительных рабочих и советских работников, в коммунистической партии не состоял, но, судя по ответам на вопросы анкеты, ей всемерно сочувствовал. Его трудовая и профессиональная биография, согласно сохранившимся расчетным книжкам, началась с должности техника-практиканта и завершилась должностью инспектора гражданских и дорожных сооружений областного отдела местного хозяйства.²⁵ Жизненный путь Г.З. Авакова вполне бы мог послужить типичным примером одной из многочисленных разновидностей социальных практик того времени, соседствующих с мытарствами идеологически вредных и классово чуждых советскому строю «общественных элементов».

Именно разнообразие подобного рода практик свидетельствует о продолжавшихся революционных изменениях и позволяет оценивать их в качестве «переломной эпохи». Она «переламинает» не только ход и течение социального времени, но и судьбы целых поколений, оказывавшихся его участниками, свидетелями и невольными заложниками. При этом используемые историком экспрессивные определения самого революционного времени отражают лишь наиболее зримые перемены в развитии общества, неоправданно покрывая собою практически остающиеся неизменными пространство повседневной жизни и основные формы его проявления.

Опыт историко-антропологического осмысления революционного времени подводит исследователя прошлого к пониманию того об-

стоятельства, что «разные слои общества живут, по большей части, в разном социальном времени. Но бывают продолжительные фазы, в которые разные слои общества живут в одном социальном времени, прогрессивном или регрессивном».²⁶ Революции как раз и являются тем временным потоком, в чьих границах достигается состояние одновременного единства и противоречия в развитии общества. Оно наглядно подтверждается быстротечностью социальных перемен и малой подвижностью их осознания, что, собственно говоря, и влечет за собою необходимость четкого разграничения представлений о революционном времени и переломной эпохе. Если первое указывает на временную длительность происходящих изменений, то второе вбирает в себя их неравномерное и зачастую разнонаправленное течение.

Примечания:

¹ Кравченко С.А. Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социологические исследования. 2006. № 8. С.3.

² Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. М., 1998. С.23-24.

³ Подробнее о каждой из них см.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005. С.567-572.

⁴ Там же. С.559.

⁵ Гуревич А.Я. Медиевистика на распутье. О книге Х.-В. Гетца // Одиссей. Человек в истории. 2004. М., 2004. С.352.

⁶ Гуревич А.Я. Пророчество о прошлом // Там же. С.399.

⁷ Гренье Ж.-И. Размышления о «критическом повороте» // Одиссей. Человек в истории. 2005. М., 2005. С.138.

⁸ Гиппиус З.Н. Живые лица: Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. Кн.1. С.194.

⁹ Горяинов В.П. Критерии поступательности, обратимости, стагнации и предсказуемости социального времени // Социологические исследования. 2006. № 4. С.4.

¹⁰ Там же. С.11.

¹¹ Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее – ГУ НАРА). Ф.1. Оп.1. Д.130. Л.4.

¹² Хлынина Т.П. Отечественная историография революции 1905-1907 гг. на Северном Кавказе // Революция 1905-1907 гг.: взгляд через столетие. Материалы Всероссийской научной конференции 19-20 сентября 2005 г. М., 2005. С.208-209.

¹³ ГУ НАРА. Ф.1. Оп.1. Д.13. Л.36.

¹⁴ Там же. Л.39 об.

¹⁵ Там же. Д.23. Л.76.

¹⁶ Там же. Л.84.

¹⁷ Там же. Д.32. Л.164.

¹⁸ Там же. Д.28. Л.3.

¹⁹ Там же. Л.3 об.

²⁰ Там же. Ф.Р. – 79. Оп.1. Д.2. Л.29.

²¹ Там же. Л.29 об.

²² Там же. Оп. 3а. Д.24. Л.12.

²³ Там же. Оп.1. Д.59. Л.28.

²⁴ Хлынина Т.П. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005. С.32.

²⁵ Там же. С.33.

²⁶ Горяинов В.П. Указ. соч. С.15.